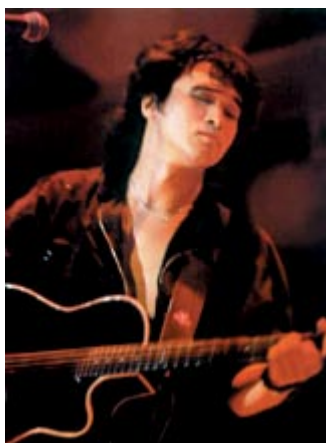

Полет в замкнутом пространстве...

«...Столкновение автомобиля «Москвич-2141» темно-синего цвета с рейсовым автобусом «Икарус-280» произошло в 12 час. 28 мин. 15 августа 1990 года на 35-м километре трассы Слока – Талси. Автомобиль двигался по трассе со скоростью не менее 130 км/час, водитель – Цой Виктор Робертович – не справился с управлением. Смерть Виктора Робертовича Цоя наступила мгновенно, водитель встречного автобуса не пострадал...»

(Из милицейского протокола от 15.08.90)

Через десять лет после этого трагического события в память о российском певце и кумире перестроечной молодежи была выпущена марка, увековечившая его изображение и ставшая символом признания государством его заслуг в современной культуре России.

Весть о гибели певца мгновенно разлетелась по всем уголкам Советского Союза. Тысячи и тысячи людей съезжались в Ленинград, чтобы успеть ко дню похорон. Звучали магнитофонные записи, читались стихи, пелись песни Цоя, лились слезы...

Лидера ленинградской рок-группы больше не было в живых. Боль селилась в сердцах людей, которые оставались в палаточных городах, на кладбище, возле его могилы. Траур заволакивал их глаза. И они безмолвно зажигали свечи у «стен скорби». И оставляли записки. И понимали друг друга без слов. Их объединяла общая беда. Настоящая. Взрослая. Непоправимая. Ведь многие из них впервые испытывали чувство полного бессилия в свои неполные двадцать лет...

При чтении воспоминаний друзей Виктора Цоя, разных и неоднозначных в своих оценках – настораживающих своей уверенностью, сомневающих, недоговаривающих... – невольно бросается в глаза то общее, что присутствует почти у всех, а именно – ощущение фатального предопределения того, что должно было случиться. «Только эта фатальность осмыслилась после его ухода...»

*Я родился на стыке созвездий,
но жить не могу.
Ветер 20 метров в секунду
ночью и днем.
Раньше я читал книги,
а теперь я их жгу.
Я хочу идти дальше,
но я сбит с ног дождем.*

Передо мной полтора листа биографии:

21 июня 1962 года в Ленинграде, в семье преподавателя физкультуры Валентины Васильевны и инженера Роберта Максимовича родился первый и единственный ребенок – Виктор.

В 1969 году Виктор поступил в школу, где работала его мать.

В 1974 – 77 годах посещал среднюю художественную школу. Появилась группа «Палата № 6».

В 1978 году, окончив восемь классов, поступил в художественное училище им. В.Серова.

В 1979 году исключен из училища за неуспеваемость. Начал работать на заводе и учиться в вечерней школе.

Летом 1981 года появилась группа «Гарин и гиперболоиды». Состав: Виктор Цой, Алексей Рыбин, Олег Валинский.

Осенью 1981 года группа вошла в Ленинградский рок-клуб. После ухода Олега Валинского группу переименовали в «Кино».

Весной 1982 года началась работа над альбомом «45». Виктор познакомился со своей будущей женой Марианной. В Ленинградском рок-клубе прошел первый концерт совместно с «Аквариумом» Б.Гребенщикова. В феврале 1985 года Виктор и Марианна поженились. 5.08.1985 года у них родился сын Александр. В январе 1986 года вышел альбом «Ночь». Группа выступила на четвертом фестивале рок-клуба и получила диплом за лучшие тексты. Летом 1986 года в Киеве начал сниматься фильм «Конец каникул» с Виктором Цоем. Вышла пластинка «Red Wave» («Красная волна» – англ., прим. ред.). Режиссер А.Учитель пригласил Цоя в кинокартину «Рок». Снялся в эпизодической роли в фильме «Асса», режиссер С.Соловьев.

Сыграл главную роль в «Игле» режиссера Р.Нугманова. Появились альбомы «Группа крови», «Звезда по имени Солнце». Летом 1989 года Цой поехал в США в гости к певице Джоанне Стингрей. Во Франции вышла пластинка «Последний герой»...

В сущности, эти скупые строки и есть самая достоверная информация. Все остальное – домыслы. Потому, что воспоминания друзей и близких – субъективны, а статьи журналистов частенько приукрашены. Ведь со временем многое преломляется в памяти, а переживания прошлых лет теряют свою остроту... Но вот я включаю магнитофон. И знакомый, настойчивый голос врывается в сознание, требуя диалога... Голос зовет, требует, спрашивает. А я молчу. Некому отвечать. И надо ли? Может быть, это всего лишь риторика? Всего лишь витиеватые словосочетания поэта? И поэта ли?

Как ни крути, а коль скоро возникают такие вопросы, хочется искать ответы. А значит – вглядываться в прошлое...

Из воспоминаний родителей Цоя. «Семья у них была дружная. Мама – коренная ленинградка, папа – кореец. Друзей – полон дом. Танцы, смех, песни... Виктора не баловали, но старались и избегать запретов. И, что немаловажно, полностью доверяли. Вместе с мамой Виктор сменил три школы. Впрочем, ни в одной из них он не был «ботаником». Его тянуло к литературе, музыке и искусству, но он сам выбирал, что читать и что слушать.

Его привлекали компании, и он лично решал, где проводить время и с кем. Родители не перечили. Напротив, старались поддерживать. Хоть это было и не просто... Однажды они уехали в отпуск, оставив сыну деньги на пропитание. В тот же вечер денег не стало. Но появилась двенадцатиструнная гитара, «мечта всех дворовых ребят». Все оставшиеся дни до приезда родителей он жил голодно, но «ужасно счастливо».

Теперь-то мы знаем, что музыка и стихи пройдут сквозь всю его жизнь. А тогда был конец семидесятых. Звучат гимны, собираются съезды и улыбаются демонстранты. Кипят стройки, рапортуют комсомольцы, и перевыполняются планы. И развиваются алые знамена, и цветет идеология.

А на чердаках, во дворах и в подвалах – слышны голоса... И звучат гитары... И слышатся записи «Beatles», «Rolling Stones», «Queen». И уже веет «ветром перемен»... То, что мы сейчас называем «Underground», включало в себя не только рок-музыку. Многие были запрещены. В том числе и рок-культура – как вредная, агрессивная и опасная для советской молодежи.

Цой видел свое место по другую сторону баррикад. Было не легко. Работал где попало – резчиком по дереву, разнорабочим, кочегаром. Денег – кот наплакал. С музыкантами – не шибко. Да еще эти худсоветы... Но были друзья. И выбранный путь. И силы идти вперед. Самому.

Когда же его имя засияет на Олимпе рок-звезд, когда придет настоящая слава, когда с первых аккордов и с первой ноты, взятой низким, «гипнотическим» голосом, стадионы будут взрываться криками тысяч поклонниц и поклонников, когда талантливые кинорежиссеры уже снимут свое кино, Цой назовут Последним героем... А ведь герой не может быть одинок. Но...попробуй спастись от дождя, если он внутри...

*Расскажи мне о тех, кто устал
От безжалостных уличных драм.
И о храме из разбитых сердец.
И о тех, кто идет в этот храм...*

Со слов людей, близко знавших его, это был абсолютно неброский, не умеющий себя подать, даже стеснительный человек. И в то же время сильный. Как-то в разговоре с Артемом Троицким речь зашла о литературных кумирах, и тот упомянул своего любимейшего Дон Кихота. «Нет, это не мой персонаж. Он не сконцентрирован, он слаб», – парировал Цой. Многие сходились во мнении, что натура Виктора была таинственной.

В нем было геройство, но геройство абсолютно естественное. Оно было так же натурально, как и каждое его движение. Он вызывал симпатию не только своим поведением, своим имиджем, общением, но даже, в хорошем смысле, и дистанцией. И, будучи человеком загадочным, он одновременно оставался обыкновенным, таким же, как все. В повести «Точка отсчета» Марианна Цой вспоминает: «Он очень болезненно относился к тому, что я обладаю каким-то заработком... и что у меня есть какие-то монументальные костюмы, в которых хоть на прием иди. А он сам себе шил штаны. Очень ловко, кстати, это у него получалось».

А еще он продолжал рисовать, и в Нью-Йорке было выставлено десять его картин. Он достиг мастерства в резьбе по дереву и уже без труда вырезал крохотных нецке. Захотев выучить иностранный язык, через полгода давал интервью на английском языке по радио в Копенгагене. И занимался музыкой и литературой...

Впрочем, никто не видел его с черновиками стихов, «...знаете, так, чтобы сидел и барабанил пальцами по столу, мол, я сочиняю!» Он вынашивал стихи «в себе». Долго. Напряженно. Сосредоточенно. Отец Виктора даже считает, что эта его особенность – забывать обо всем, когда в уме рождалась новая песня, – и послужила причиной роковой автомобильной катастрофы. Может, и так. Его отношение к слову было очень серьезным. Он любил русскую классическую литературу. Обожал Ф.И. Достоевского. Увлекался японской и китайской поэзией.

Поэтому никого не удивило, что Цой начал писать стихи. Поразительным было то, что все свое существо, всю свою любовь, ненависть, горечь он выражал точно и просто. Обыкновенными, понятными всем словами. Но эти слова поднимали с колен и вели за собой. Они пульсировали в унисон времени, в них «били барабаны». И хотя Цой писал о себе, о своей судьбе, о своей боли, тысячи слушающих его знали, что это – про них.

Однако только ли стихи и песни стали причиной его популярности? Только ли

песен? Или же летящий над залом взгляд, выдвинутый вперед подбородок, черная одежда... обеспечивали музыканту тысячи и тысячи почитателей? Борис Гребенщиков

пишет: «Я любил его, как носителя духа, который через него говорит... Совсем недавно, прослушивая ночью с друзьями «Звезду по имени Солнце», я просто был в неистовстве от того, насколько ясно дух говорит, что ему здесь тесно, что он не понимает, зачем он здесь, и хватит уже, уже все...»

Это мнение другого поэта, другого философа, другого музыканта. Познакомившись однажды в электричке, Виктор Цой и Борис Гребенщиков уже никогда не отдалялись друг от друга. «Мы, как два пилота в соседних истребителях», – говорил в то время Б. Гребенщиков. И это было правдой.

У каждого из них было свое творчество. Свой взгляд на вещи. Свой путь, но... к одной цели – найти гармонию между внешним и внутренним миром. Попытаться осмыслить этот мир. И, может быть, что-то изменить... к лучшему. Ведь это цель любого человека, осмелившегося творить? Любого... Но только – свободного.

Вот отрывок из интервью в одной из киевских газет: «Представь себе, что тебе сейчас предложили бы выбрать вдохновение и бедность или славу и богатство». Цой: «Для меня главное – сохранить самоуважение и внутреннюю свободу. Но сохранить ее очень трудно».

Свобода в замкнутом пространстве... Может ли такое быть?

*Покажи мне людей,
Уверенных в завтрашнем дне.
Нарисуй мне портреты
Погибших на этом пути...*

«То, что я знаю, не назвать ни Витькой, ни Виктором, ни Цоем – это реальность, никакого обозначения в языке не имеющая. У него другое имя... Ангел – это фигура бытия, выполняющая функцию в бытие, совершенная изначально. То, о чем я говорю, это не ангел, но это фигура такого же типа...». Так охарактеризовал певца Борис Гребенщиков.

Что тут скажешь? Можно придумывать. Можно домысливать. Можно поверить в то, чего, в общем, и не было. И закопавшись в книгах, статьях и очерках, и беседах с близкими и друзьями, и просматривая видеосъемки и киноленты, искать ответы. Но их не найти. Потому, что ответы могут быть только в его словах. В его песнях. В песнях его времени. Поразительно созвучных нашему. Почитайте, послушайте сами...

Звезда по имени Солнце

*Белый снег, серый лед
На растрескавшейся земле.
Одеялом лоскутным на ней
Город в дорожной петле.
А над городом плывут облака,
Закрывая небесный свет.
А над городом – желтый дым.
Городу две тысячи лет,
Прожитых под светом звезды
По имени Солнце.*

*И две тысячи лет война,
Война без особых причин.
Война – дело молодых.*

*Лекарство против морщин.
Красная-красная кровь –
Через час уже просто земля,
Через два на ней цветы и трава,
Через три она снова жива.
И согрета лучами звезды
По имени Солнце.*

*И мы знаем, что так было всегда:
Что судьбою больше любим,
Кто живет по законам другим
И кому умирать молодым.*

*Он не помнит слова «да» и слова «нет».
Он не помнит ни чинов, ни имен.
И способен дотянуться до звезд,
Не считая, что это сон.
И упасть опаленным звездой
По имени Солнце.*

Анна Лысюк